

Покушение

**Михаэль
Бабель**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаэль Бабель

Покушение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48483756

SelfPub; 2019

Аннотация

Первое и самое страшное покушение на меня в 2003 году в Израиле. За мои книги. За несколько дней до издания первой трилогии моих первых книг. Содержит нецензурную брань.

Работа художника Альберт Змора (Израиль) специально для этой книги.

1. Жалоба в полицию, книжный вариант

"3 июля 2003 года мне позвонил Гидон. Он пригласил в свою контору в промзоне Иерусалима – Гиват-Шауле, в промышленных зданиях «Сапир», дом номер четыре.

Место знакомое по моим прежним работам.

Обычное дело – такое приглашение. Я инженер, двадцать шесть лет частник, мои данные в телефонной книге.

На мой вопрос, какой номер конторы, Гидон ответил, что находится она на среднем этаже.

В зданиях «Сапир» три и четыре этажа, зависит, с какой стороны смотреть.

– Так какой номер? – спросил его.

– Возле лестничной клетки, – ответил он.

Иногда нет номеров.

Гидон дал два телефона, по которым позвоню, когда подъеду. Выходят встретить, если трудно найти.

Приглашение на 6-е июля в 17:30 вечера.

Для Иерусалима час не поздний, но не для промзоны. В это время огромный двор между промышленными зданиями, обычно забитый машинами, пуст, все конторы закрыты, ни живой души, работают только до 16:00.

6-го июля в 17:15 я позвонил Гидону, что опоздаю на четверть часа. Обычно опозданием недовольны. Но он предло-

жил не спешить и встретиться позже, в 18.30.

В 18:15 я въехал в огромный каменный колодец между промышленными зданиями, только несколько редких машин. Сразу за въездом свернул и встал между двумя машинами.

Вышел, закрыл машину. Тихо, как на кладбище.

Быстрым взглядом окинул знакомое мне место. Дома – стенки каменного колодца, с наружными открытыми коридорами.

На третьем этаже дома номер четыре увидел единственного человека на всю эту пустоту. Крупный человек вытянулся в мою сторону, рука впереди, а в ней, похоже, телефон.

Махнул ему рукой, но он испарился в сторону лестничной клетки.

Я пошёл к этому подъезду и звонил по двум номерам телефонов: один – отключен, второй – надрывался от гудения.

Высшая Сила развернула меня обратно, потащила к машине, открыла заднюю дверцу вместе со мной, потому что я мешкал, затолкала на заднее сиденье и закрыла дверцу.

Я продолжал звонить.

Вдруг взорвался воздух от мотоцикла без глушителя. А я жал на спасательные кнопки телефона.

Стенки машины не спасали от грохота.

Хотел посмотреть в окно, но не мог шевельнуть головой. Высшая Сила вдавливала меня в сиденье, и я съезжал вниз, между сиденьями, пока голова не опустилась ниже окна.

Мотоцикл на сверхскорости резал двор из конца в конец, от дома к дому. Взрывы мотоцикла без глушителя усиливал каменный колодец.

Последний взрыв перешёл в пронзительный уносившийся свист.

Тяжелая и долгая минута улетела вместе с улетевшим мотоциклом.

Такой тишины после мотоцикла без глушителя я ещё не слышал.

Не смотрел по сторонам.

Перешёл на переднее сидение, медленно сделал реверс и выехал со двора.

Было – 18:30. Пустые шоссе опустевшей промзоны. Семафоры только зеленые. Быстро уехал далеко.

В 18:40 зазвонил телефон.

– Михаэль, где ты? – спросил Гидон, удивленный и испуганный.

– На Агрипас, – ответил.

Я ехал в полицию на «Русском подворье» подать жалобу о покушении.

Обычное дело – звонок после несостоявшейся встречи. И если по моей вине – ответ однозначен: а пошёл ты...

Гидон молчал.

– Повезло вам, – продолжил я, споров глупость.

Гидон не отключал телефон.

– Повезло вам, повезло, – продолжал я пороть глупость.

Смешно, отметил его удачу, по сравнению с другими убийцами, вытащить меня на расстрельную площадку.

Я выключил телефон.

Заключение:

Не первый раз хотят меня уничтожить.

На этот раз – в промзоне, чтобы сказать, что это дело арабов или преступного мира.

В прошлый раз пригласил меня другой агент, по имени Морис, телефон 050-520621, – пригласил на пустынную площадку в районе Гило, которая простреливается из арабской Бейт-Джалы.

Это он, тот же агент Морис, снова всплыл за несколько дней до агента Гидона и снова приглашал меня куда-то. Я не дослушал и ответил, что не работаю.

Вот тогда позвонил Гидон.

Разве Гидон и Морис – не агенты кэгэбэ?

И еще другие были западни.

Например, избиение в «Саду роз» возле кнессета 22.12.1997, чтобы я ответил на избиение и получил пять лет тюрьмы. Безостановочно щелкали фотоаппараты.

Но тюрьма не состоялась – я не ответил.

А разве эти двуногие с фотоаппаратами – не агенты кэгэбэ?

От инквизиции до израильского кэгэбэ – одно и то же: «Дайте нам человека – дело будет».

Или уничтожить.

Если даже будет найден какой-то преступник, то всё равно за ним стоит кэгэбэ, который прослушивает меня 25 часов в сутки и не пресёк покушения.

Заинтересован в моем уничтожении кэгэбэ государства, т.е. само государство.

Заинтересованы в уничтожении моих мыслей и книг.

Я горжусь этим.

Через три дня после покушения я передал в типографию рукопись трилогии: «Мой Израиль», «Мудаки», «Прощай, Израиль... или Последняя утопия».

29.7.2003 книга увидела свет.

В ней я пишу, что быть этому государству до 2018 года.

Кэгэбэ отвечает: А мы уничтожим тебя – сегодня!

Русский КГБ не уничтожил меня в 1972-ом за «Мой Израиль».

Израильский кэгэбэ хочет уничтожить меня за «Прощай, Израиль... или Последняя утопия».

Добрые люди спрашивают: «За что это они тебя?»

Значит, знают, что могут уничтожить».

2. Обращение к руководителям государства

«13.7.2003

6-го июля 2003-го было покушение на меня.

Господа, это вы,

и те, кто были до вас,

и те, кто будут после вас,

и ваш кэгэбэ –

убиваете мои взгляды, мои мысли, мои книги».

3. Учитель учит: Не обещай, а сделай

И я не обещал.

Но знал, что сделаю новую книгу.

Давно знал, еще до того как в 2001 году поставил точку в книге «Прощай, Израиль... или Последняя утопия».

Но удержался, не написал, что будут затыкать рот.

Знал, что никто не поймет, если заикнусь об этом.

Как сказал один из друзей уже после покушения, коротко и уверенно: «Преувеличиваешь!» И исчез. Но чуть позже, чем я понял, что больше ему не позвоню.

А во втором издании книги «Прощай, Израиль... или Последняя утопия», 31.12.2002, не удержался и оповестил читателей: «Все это возможно, но обязательно только одно: расправа с инакомыслящими».

К третьему изданию книги «Прощай, Израиль... или Последняя утопия» для книги-трилогии заказал обложку – всю в огне.

Осталось только дожждаться предвиденной расправы.

И дождался – покушения.

За три дня до передачи книги-трилогии в типографию.

А новая книга началась под условным названием «Предобальные будни».

Это две страницы – «Жалоба в полицию».

Но это новая книга.

Все, что ещё будет написано, – комментарий к двум стра-

ницам.

Сколько их будет – всех страниц – знает Всевышний, благословенно Его Имя.

4. Преступная полиция и тайный мир

Тайная полиция и преступный мир.

Это еще вопрос: как кого называть?

Этажи преступной полиции уходят вверх от земли, этажи тайного мира уходят вниз от неё.

На земле – хотения и сладкие удовлетворения.

Девочки.

Иголки.

Дым – коромыслом.

Деньги – на бочку.

Где – кто? И кто – где? И кто – кто?

Сотрудников-преступников двух ведомств не различить.

Когда с верхних этажей спускается на землю разнарядка – убрать, она заказом исчезает под землю в глубинные этажи.

И концы – в воду.

А дальше – работа, занятие, дело.

Заработок.

Никакой политики.

5. Четыре рава

Четыре рава, которых можно назвать моими, знали о покушении.

Прошла неделя.

И еще два дня прошли.

Позвонил рав, которому оставил на его телефоне подробное сообщение сразу после покушения.

Взволнованным голосом он сообщил, что два дня был в Гедере.

Я молчал.

Он спросил:

– А как у тебя с этим – ну, что ты там оставил на телефоне?

– Благословен Всевышний каждый день! – ответил я.

Он боялся слова «покушение».

Семьдесят километров от Иерусалима – это что? – заграница, откуда, как в начале прошлoм века, не дозвониться?

Куда подевалась острота его ума, которая окрашивает его беседы? И памяти никакой. Ну ладно, за два дня оправдался, а про еще целую неделю – забыл?

Он-то знает, кто меня преследует.

Боятся кэгэбэ.

Боятся чекистов.

Мальчишка-чекист делал из таких тряпку.

Это мы проходили.

Еще два рава знали.

Их рассказы – окажутся похожими.

Позвонил рав Ицхак Зильбер.

Сказал решительно: «Я еду к вам».

Я знал, что ему запрещено двигаться.

С трудом уговорил Учителя не ехать.

6. Ты – пастух

Ты – пастух.

А он – барашек твоего стада.

Волки высмотрели его.

Чуть не задрали.

Ты боишься волков.

Волки рядом-кругом.

Но ты спешишь к нему.

Ты же пастух...

Ты – Учитель.

А он – твой ученик.

Его преследует кэгэбэ.

Ты боишься кэгэбэ.

Ты смотришь на телефонную трубку.

Конечно, они его прослушивают.

Ты боишься кэгэбэ.

Но ты боишься Б-га.

Ты очень боишься кэгэбэ.

Но Б-га боишься чуточку больше.

Ты – Б-гобоязненный.

Ты поднимаешь телефонную трубку.

7. Читал о Б-гобоязни

Читал о Б-гобоязни, о боязни неба.

Видел – глаза закатывают к небу.

Слышал: «Главное – Б-гобоязнь, боязнь неба».

Сам говорил другим: «Главное...»

Не врал.

А не знал.

И вот — знаю.

Можно бояться всего-всего.

Можно бояться очень-преочень.

А Б-га бояться чуточку больше.

И ноги бегут на заповедь.

8. Знал: мужество, героизм, доблесть

Знал: мужество, героизм, доблесть.

Слышал от других: «Главное...»

Сам говорил другим: «Главное...»

Не врал.

Знал!

Чтобы оставаться человеком, когда от страха ноги не идут,
но мужество, героизм, доблесть ведут.

И как было мало тех, кто шли, волоча ватные ноги.

Давно это было.

И долго, все годы, был горький осадок: как мало.

И не захотелось быть мужественным, героическим, доб-
лестным.

Кому это нужно?

Мне? Чтобы оставаться человеком?

Но я еврей. И должен оставаться евреем.

Вот это нужно моему Б-гу.

Его бояться. Быть Б-гобоязненным. Быть боящимся неба.

И какое значение: сколько их — боящихся неба?

И вдруг вспомнил старую песню:

«Не боюсь я никого,
Кроме Б-га одного!»

Ой, как просто.

Это сейчас просто.

Плакать хочется.

Вы слышите?!

«Не боюсь я никого,
Кроме Б-га одного!»

9. Просьба: не приходить

Среди рабаним получилось: один из четырех.

Среди прочих...

Знают прочие.

Просьба: не приходить.

Будет Хевра Кадиша – и прекрасно!

Сидят они в своей машине на лавочках вдоль окон, по обеим сторонам от носилок. Не смотрят по сторонам. Перед ними носилки.

В их глазах правда жизни. Её они не скрывают. Дома дети, тесно, жена с младшим на руках крутится по хозяйству.

А они делают заповедь. Шепчут вечные слова. Честная работа. Что-то заработают.

Возле разрытой ямы не ищут чистого места, сыпят землю в яму и в ботинки.

Над засыпанным просят простить их.

Их прощу и поблагодарю.

10. На тропе к моему Израилю

На тропе к моему Израилю в начале семидесятых писал книгу «Мой Израиль». Ощущал, что утопия ломает руки-ноги, отбивает внутренности, но не убивает.

В начале девяностых писал «Прощай, Израиль... или Последняя утопия». Ощущал, что утопия убивает.

Там – глубокой ночью на безлюдной окраине города крадутся за спиной, постукивая подкованными каблуками, – грубое запугивание.

Здесь – обворожительная улыбка, ласковый голос, добренькие глазки – стерильно чистое убийство.

Там – пугали, но не убивали, потому что упились кровью.

Здесь – не пугают, но убивают, потому что ещё не упились.

Там – пугали, но не убивали, потому что не могли спрятать концы.

Здесь – не пугают, но убивают, потому что могут спрятать.

Времена новые – много не надо: рава Кахане да его сына – вполне хватит. Да ещё тысячи помельче – в придачу.

И страх подкреплён, подпёрт, поддержан.

Без страха утопия – не утопия.

Все должны бояться – и вцепившиеся в руль, и хватающиеся за заднее колесо.

Чтобы знали: убить можно любого.

И любой смысл придать убийству.

Вот тогда будет порядочек.

11. Я не оборачиваюсь

Я не оборачиваюсь.

Страшное – не за спиной.

Страшное – везде.

Страшное – каждая секунда.

Страшное – ощущаешь.

Как змею.

Ползущую и шипящую.

Когда спущена разрядка убрать, страшные сигналы поступают извне.

Пугают.

Деморализуют.

Парализуют.

Продвигаешься по страшному пространству.

Страшное время продвигается рядом.

Когда почувствовал страшное, выбрал двоих из героев. Знал их по прежней утопии. Объяснил, что если со мной случится обычное или необычное, что случается со всеми смертными, и вот меня нет – знайте: меня убрали.

И вот покушение.

Звоню героине. Успел сказать:

– Было покушение на меня.

– Ой! Не втягивай меня снова в московские дела! – был недовольный её ответ.

Моя телефонная трубка отправилась на своё место, а из неё доносилось: «А как жена? Как дети?»

Герой слушал дольше. Но вдруг, совсем не вдруг, спохватился:

– Сейчас позвонят из Америки!

Да, да, – мои последние слова.

Чтобы знать, кем был кто-то в той утопии, достаточно видеть, кто он есть в этой утопии.

12. Других героев не искал

Других героев не искал.

Бесполезно искать героев в утопии.

Но звонил во все концы. Просил афишировать покушение.

Позвонил начальнику известного сайта. Подробно рассказал о покушении. Попросил дать короткое сообщение.

– Но это же не доказано, – тепло возразил он.

– А что нужно для доказательства? – спросил. – Мой труп?

– Б-же упаси! – испугался он. – Но это не проверено.

Как можно вежливо поблагодарил его.

Нашелся товарищ помогать – афишировать, как я просил.

– Без подробностей, – сказал он, – трудно объяснить людям – не понимают.

Отправил ему «Обращение в полицию».

Тогда он заявил мне:

– Так не пишут. Нужен документ. Чтобы всё было по пунктам. Непонятно, было ли покушение.

– Но оно было! – Мне стало стыдно, что годами играюсь в товарищей. И не только с ним одним.

– Так, как написано, покушения не было! – поучал он.

Мне плевать на свою гордость. Я согласился, что написал галиматью, если ему так хочется.

– Неважно, как написано, – сказал я с надеждой, – покушение было или нет?

– Нет! – ответил он еще тверже. У него тоже была гордость – только он умеет писать, как надо. И он её не растоптал.

Я попросил больше не звонить мне.

Молва о покушении всё-таки разнеслась. Говорить по телефону стало удобнее.

– Алё? – отвечают на том беспроводном конце.

– Игаэль? – спрашиваю я.

И сразу: ту-ту-ту.

Повторно звоню, отвечает автомат: телефон отключён – позвоните позже.

Гораздо удобнее!

13. Себя не жаль

Себя не жаль.

Дерево посадил.

Камень в землю положил.

Из родника родной земли пил.

Все деревья помню.

Солнце клонилось к субботе.

Я кончал с последним саженцем.

Рядом встал маленький мальчик, его приготовили к субботе и выпустили, чтобы не мешал, – умытый и отглаженный.

– Шабес, – упрекнул он.

– Ещё не шабес, – ответил я.

На саженце был ком земли там, где корни. Нейлоновый мешок плотно облегал ком. Яма была готова. Из одного ведра налил в неё воду, она медленно уходила, впитываясь в землю. Второе ведро стояло полное – полить после посадки.

– А эта вода зачем? – спросил мальчик.

– Дам дереву попить.

На влажное дно ямы засыпал чёрную богатую землю. Разрезал осторожно нейлоновый мешок – не разрушить бы ком и не повредить корни. Двумя руками поднял ком с саженцем и опустил на дно ямы. Между комом и стенками ямы засыпал чёрную богатую землю. Немного подмял её, чтобы вода текла к деревцу.

И прежде чем вылить воду, опустил черные руки в ведро с прохладной водой. Земля слезала с рук, и два бурых пятна расходились по воде.

– Зачем ты пачкаешь воду? – рассердился мальчик.

Я выпрямился. От долгого сидения на корточках затекли ноги. Голова закружилась. Солнце ослепило глаза. Я покачнулся.

– Больше не буду пачкать воду, – ответил.

Я лил воду вокруг деревца, и она быстро уходила в землю.

На пятом этаже открылось окно, позвали мальчика.

Прежде чем убежать, он посмотрел мне в глаза.

Я понял – он меня простил.

Все камни помню.

Большая луна в чёрном небе. Иудейская пустыня. Десять вагончиков рядом. Светло, как в городе. Все спят. Я охраняю. Моя смена. «Узи» в руках. Забора нет. Есть ворота. Делаю круг от ворот и до ворот. И быстро – к своему вагончику. Днём положил несколько камней в землю. Камней вокруг много. Подбирал, подгонял – получилась маленькая площадка. Никак не налюбуюсь. Тишина. Скрипит закрываемая ставня. И снова круг от ворот и до ворот.

Через год работники Сохнута решали, кому здесь оставаться. Раздали конверты жильцам вагончиков. Объяснили: пишите на своих соседей что хотите.

Чиновник, имевший доступ к личным папкам – они считались секретными – сообщил мне, что в моей папке сорок жалоб со стороны соседей.

То есть девять вагончиков настрочили сорок жалоб.

Одна из жалоб – во время дежурства занимается личным хозяйством. Вспомнилась скрипнувшая ставня.

Но больше запомнилась жалоба, что ворую цветы у соседей.

Тот же чиновник рассказал, что в армии окончившим офицерские курсы раздают конверты – писать друг на друга.

14. Себя жаль

Себя жаль: жить в двух утопиях.

И двухчасовой перелёт из одной в другую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.